

КРОКОДИЛ

№ 28 (1678)

ГОД ИЗДАНИЯ 41-й

10 ОКТЯБРЯ 1962

В ОДНОМ СОВНАРХОЗЕ

— Разве можно так шутить?!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КОСТРОМСКИЕ ЗАВАЛИНКИ

Г. СОМОВ, Ю. ЧЕРЕПАНОВ,
специальные корреспонденты
Крокодила

ЗА ПУДОВЫМ ЗАМКОМ

Беседа между любознательным приезжим из областного отдела культуры и председателем колхоза была краткой, но содержательной.

— Как у вас тут молодежь развлекается? — допытывался приезжий.

— Известно как, — грустно отвечал председатель колхоза, — скучает молодежь. По вечерам

отдыхать. И развлекаться. Но не в любом клубе, честно говоря, можно отдыхать. И развлекаться.

Например, в клубе деревни Калинки, Судиславского района, нельзя. Почему? Да хотя бы потому, что на дверях его день и ночь висит пудовый замок.

Мы подъезжали к клубу в Калинках четыре раза. Висит! На пятый раз мы поехали в колхоз «Русь Советская», Островского района. И тут нам повезло. Пудового замка на дверях не было. Замок лежал на пороге. Мы мужественно перешагнули через него и...

Сначала нам показали читальню.

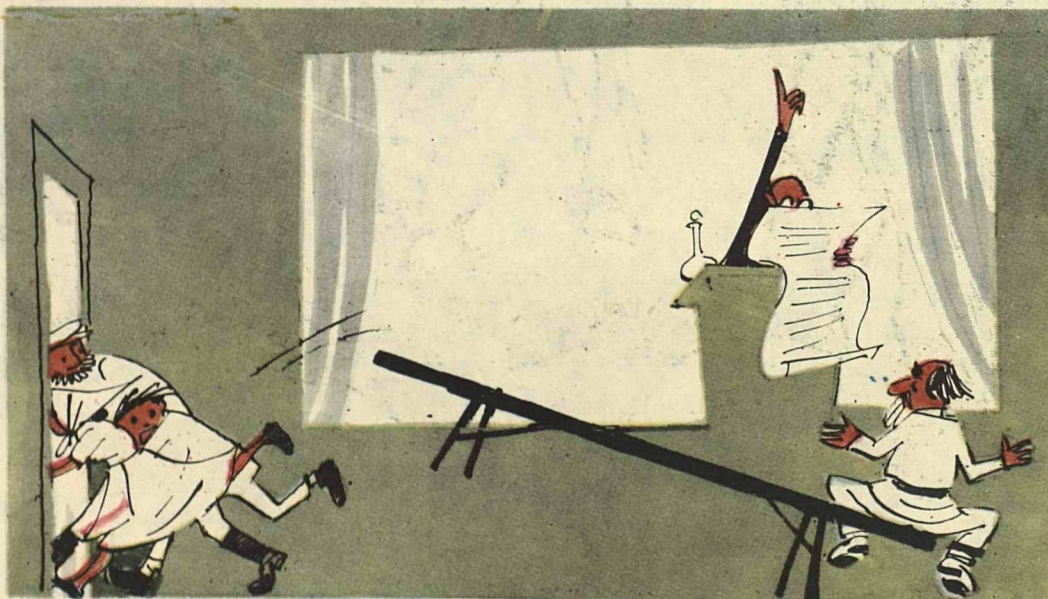
Читальня ошеломляла. И приковывала. Особенно приковывала внимание входящего полутораметровая, пикантно изогнутая кочерга, висающая в интеллигентном соседстве с гитарой. В остальном стены были спартански голы.

Стола, как такового, в читальне тоже не было. Как таковой, был подоконник. На нем и хранился весь имеющийся в наличии запас идейно-художественных ценностей клуба — пяток жиденьких стопок потрепанной периодики.

Потом нам показали второе и последнее помещение, в котором по замыслу клубостроителей намечалось проводить различные культурно-массовые мероприятия.

Со сцены, напоминающей внутренность опрокинутого на бок ящика из-под макарон, можно было торговать квасом. Или мочеными яблоками. Но жечь сердца зрителей пламенным монологом клубной самодеятельности со сцены было нельзя.

Зато противопожарное дело в клубе подняли на вполне достойную высоту. Не ниже двух метров от полу на луженых аршинных гвоздях висели два ведра, два багра, топор и огнетушитель. Любознательный инструментариум манил своей непосредственностью и романтикой тушения загорающихся строений.

— Этот лектор кого хочешь выведет из равновесия...

посидят на завалянке — вот и все мероприятие.

— При чем тут завалянка? Это анахронизм! Ведь в деревнях имеются клубы?

— Имеются, — согласно кивнул председатель. — А ребята и девчата недовольны. У нас в деревне, говорят, скука зеленая.

— Непонятно! — недоумевал гость.

Но если бы он побывал в клубах, на которые возлагал такие большие надежды, то сразу бы понял, почему молодежь одолевает зеленая скука. Все было до голубизны просто. Проще клюквенного киселя.

В любом клубе, дерзко говоря, положено

положено иметь арку. По возможности триумфальную. И райсовет в свое время пошел на финансовые жертвы. И сразу стало хорошо. И мило.

Прямо за аркой высилась белоснежная, со свежеевыкрашенными куполами церковь. Напротив линия жухлыми подтеками крыша районного Дома культуры. Кисть маляра была для нее несбыточной мечтой.

— Ремонт необходим, — согласилась заведующая Домом культуры Людмила Павловна Яблокова. — И деньги есть. Да где здесь рабсилу найти!

— А говорят, в нашем клубе танцы на первом месте.

Присутствовавшие при беседе инструктор райкома партии Ирина Анатольевна Рыбина и инструктор по культмассовой работе Вячеслав Гусев дружно закивали. Стало ясно, что судиславские святые отцы приглашали маляров не иначе, как из Астрахани или Хабаровска! Поэтому от трудностей ремонтно-строительных беседа непринужденно свернула к трудностям текущего дня.

— Есть, — с места в карьер призналась Людмила Павловна. — Есть трудности. Но есть и положительные, компенсирующие их моменты.

— Например?

— Агитбригады же! — сказала не без торжества Людмила Павловна.

— Агитбригады! — подтвердили Ирина Анатольевна и Вячеслав Гусев.

— Агитбригады, конечно, хорошо, — поспешили согласиться мы. — Но вот, скажем, встречи молодежи с интересными людьми села устраиваете?

— Это что же, в связи со столетием? — по-хорошему оживившись, переспросила тов. Рыбина.

Мы не ведали, какой, собственно, полутораметровой юбилей имеется в виду, зато вопрос наш от контрвопроса Ирины Анатольевны сразу и до конца исчерпался: в будние, неюбилейные дни держать, как говорится, не обязательно.

— Одна у нас беда, — проникновенно вздохнув, подвела итоги заведующая Домом культуры, — нет руководителя для бальных танцев. Сами понимаете, кадры!

— Кадры! — синхронно вздохнули и оба инструктора.

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

Она не могла нам не встретиться, и она встретила нас при въезде в Судиславль. Судиславль — это районный центр. А райцентру, если говорить начистоту, при въезде

ГОЛОВА В СИЛОСЕ

О том, что в Заречном случилось,
Прошла по району молва.
...Трем хлопцам откапывать силос
С утра наказал голова.

Взялись они. Двигается дело,
И вдруг как дадут стрекача!..
Поодаль сошлись очумело,
Отплевываясь и фырча.

— Вы, что? Вы куда это, братцы?
Послал-то я вас для чего?
— Не можем. И рады б стараться,
Да больно уж дух там... того!

Нюхнув с ветерком «аромату»
В укор «деликатным носам»,
Схватил председатель лопату
И к силосу ринулся сам.

Ему ль отступать? Он упрямый!
Скривясь, покопает чуть-чуть —
И прыгает тигром от ямы,
Чтоб воздуху, значит, хлебнуть.

Уж силос забулькал бравурно,
Уж за душу запах берет!
И тут голове стало дурно —
Качнулся... Подался вперед...

Спросите телятницу Глашу,
Успевшую крикнуть лишь «ой»,
Как их голова в эту квашу
Бултыхнулся вниз головой!

Аж брызнуло... Глаша в испуге
Стоит ни жива ни мертва...
Очнулась — и в крик: — Эй, подруги!
Там в силос упал голова!

Дед Осип, заслышав тревогу,
По рельсу влепил раза два...
— Давайте скорей на подмогу,
Там в силос упал голова!

Пожарный спускается с вышки,
Засучивая рукава.
Летят отовсюду мальчишки:
— Там в силос упал голова!

А время идет понемножку...
Гудят в проводах уж слова:
— Гоните сюда неотложку!
Тут в силос упал голова!

Толпу раздвигая локтями,
Все помощь хотят оказать!
Но только приблизятся к яме,—
Носы зажимают — и вспять.

Спасибо Кузьме-счетоводу:
Взяв старенький противогаз,
Он к месиву бросился с ходу
И голову все-таки спас...

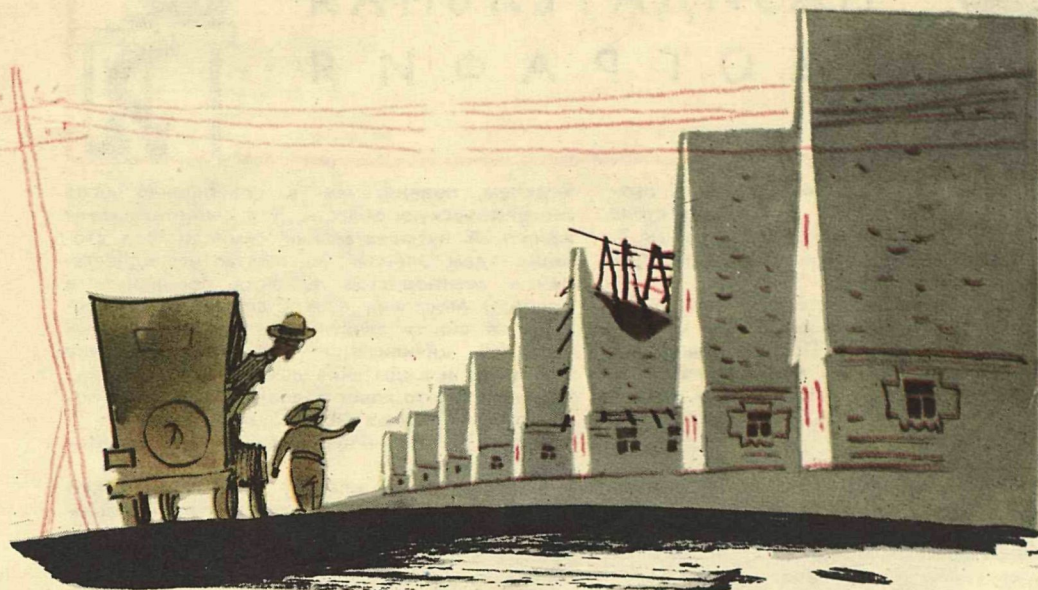
А силос? Он был... «для отчета»,
Хозяин его не хранил:
Кой-как закидал, — вся забота!..
В итоге тот силос и сгнил.

...Бедняга «купанием» оным
Сражен был почти наповал,
С полмесяца одеколоном
Свои тела омывал!..

Но совесть осталась нечистой.
Припомнили все тут ему:
И техники вид неказистый,
И телок голодное «му-у»...

Колхоз с головою беспечным
Расстался, как строгий судья.
Такая-то штука в Заречном
Весной приключилась, друзья!

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

— А клуб можно узнать по крыше...

Безысходная горечь вздохов должна была, с одной стороны, свидетельствовать о стойком, неунываемом желании танцевать в фойе Дома культуры мазурку и падеграс, с другой стороны — оттеняла трудности с кадрами.

ПОЗАВЕДУЙ, ДЕЛО НЕХИТРОЕ!

Вздохи вздохами, а кадры кадрами. И трудности с кадрами приходится, конечно, изживать. И их, конечно, изживают. По-разному. Но чаще всего так:

— Помоги, дочка, помоги, ради Христа, наладить семейную жизнь! — уговаривала вчерашнюю школьницу вчерашняя заведующая клубом колхоза «Родина», Красносельского района. — Замуж я вышла. А к мужу не пускают. Найди, говорят, сначала себе замену. Ну что тебе стоит, замени меня, позаведуй клубом!

И, представьте себе, заменяют. Представьте себе, заводуют! И не только в колхозе «Родина». Расписаться в ведомости на зарплату можешь — и ладно!

И в ведомостях, разумеется, расписываются. Усердно и старательно. А после исполнения этой служебной обязанности на-

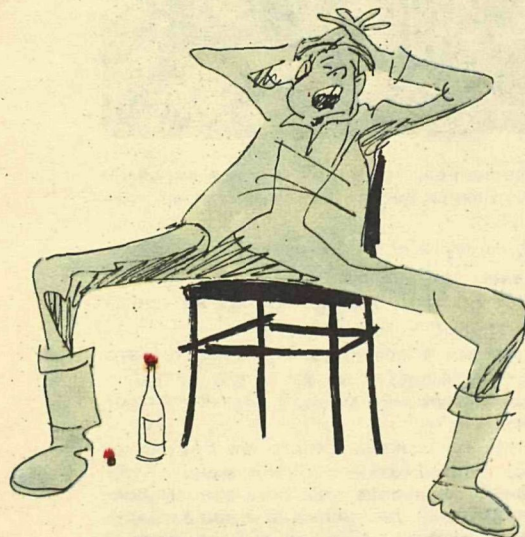
Переместил.

скоро выпеченные «культработники» с той же старательностью и с тем же усердием навешивают на двери клубов пудовые замки. Или конкурируют с деревенской зава- линкой подшивками прошлогодних журна- лов, танцами под гитару или гармошку.

А сельские парни и девушки по-прежне- му зевают до вывиха челюстей. И некому поднять их на борьбу за здоровый, весе- лый отдых. И некому организовать и вдох- новить их.

...Как видите, у сельского клуба есть серь- езный конкурент — завалинка. И перевес пока на стороне последней. Оно, конечно, и на завалинке особого веселья нет. Зато здесь хоть воздух свежий.

О чем и сообщаем для сведения работ- ников культуры районного и областного масштаба.

— Ну, а теперь развеселите меня!

я н ПОЛИЩУК

НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

А. СОКОЛЬСКИЙ

ЧУТКОСТЬ НАПОВАЛ

Я живу в новом доме по 3-й Горизонтальной улице.

Как-то утром, закрывая за мной дверь, жена поцеловала меня в щеку и попросила:

— Милый, не задерживайся сегодня на работе, хорошо?

На лестничной площадке этажом ниже слышался голос известной в нашем доме потомственной пенсионерки. Она говорила с грудным клеткотом моему сослуживцу, пожилому экономисту:

— Крепко, видать, гуляет молодой человек. Ишь, как взмолилась страдала: «Не задерживайся...» Непрочные ноне семьи...

Работы в тот день было много: заканчивали отчет. Торопились. Нервничали. Пожилой экономист заметил вдруг одному из моих клиентов, особенно назойливому:

— Ну, что пристаешь?.. У человека семейные неурядицы, а вы...

Я не успел дать опровержение: экономиста вызвал к себе начальник отдела. Потом я сам понес начальнику бумагу на подпись. Бодро поставив свой броский росчерк, он стал почему-то отчитывать меня за незначительную ошибку, сделанную еще три месяца назад. В заключение он добавил мягким и вроде как бы задушевным тоном:

— У вас там нелады с женой, но все равно на работе это не должно отражаться...

В буфете, куда я ходил укреплять нервы прохладительными напитками, меня взял за пуговицу председатель месткома:

— Зайди-ка ко мне в конце рабочего дня, потолкуем.

Когда я пришел, он начал так:

— Конечно, во всякой семье могут быть в порядке дня ссоры, но зачем же, мил человек, жену бить?..

Расстроенный, я медленно брел домой.

— Куда это вы так торопитесь? — окликнул меня бодрым баском наш художник-любитель, заядлый стенгазетчик. — А мне велено проиллюстрировать шаржик на вас нарисовать...

Я зашатался, как былинка на ветру. «Скорая помощь» доставила меня в больницу.

Жена навещала меня каждый день. Я собирался уже выписываться, когда услышал, как мой общительный сосед по палате кричал кому-то в телефонную трубку:

— Жениться? Ну что ты! Кому жить надоело!.. Вот здесь со мной симпатичный парень лежит. Так жена его до инфаркта довела...

Я медленно закрыл глаза. Боюсь, что навсегда.

г. Донецк.

Костя Чубаков был уличен на месте преступления. Перед началом уроков он стоял на площадке, ведущей к чердаку школы № 7, и посредством сигареты «Прима» нарушал правила поведения учащихся.

Возможно, это происшествие не нашло бы отражения в истории, если бы рядом не случился учитель географии. Повязав рукав косынкой дежурного, Михаил Михайлович обходил лестничные марши в неукротимом стремлении к порядку. Его борода землепроходца бдительно топорщилась.

Завидев курящего ученика, Михаил Михайлович оцепенел. Он долго стоял, неподвижный, суровый и величественный, а затем, протерев очки, иронически спросил:

— Ученик шестого класса «В» Константин Чубаков, если мне не изменяет наблюдательность?

— Ага! — кротко подтвердил Костя, быстро втягивая в рукав недокурную сигарету.

— Отлично! — с удовлетворением произнес учитель. — Разумеется, я мог бы сказать, что вы гадкий мальчик. Но воздержусь. Тем более, что истоки вашего поведения гнездятся своими корнями в открытии Америки великим генуэзцем Христофором Колумбом, или, как его именуют испанские источники, Кристобалем Колонном...

— Колонном, — охотно согласился Костя, стараясь удержать руку на отлете.

— Очень хорошо! — снова констатировал учитель географии. — Значит, кое-какие познания у вас имеются... Итак, тесный контакт мореплавателя с древней культурой Вест-Индии, лежащей между десятым и тридцатым градусами северной широты и шестидесятым и девяностым градусами западной долготы, дал человечеству не только познавательные сведения, но и порочные наклонности...

— Да ну? — уже заинтересованно спросил Костя, переминаясь с башмака на башмак.

Михаил Михайлович принял и стал оглядываться.

— Какой странный аромат, — заметил он. — Опять, наверно, на улице плавают асфальт...

Евг. КОРНИЛОВ

ГРАБИТЕЛЬ

Было и впрямь поздно. В переулках гукали и перекликались жуткие ночные голоса. Рванные, как тряпки, тучи бросали уродливые пепельные тени. В такое время в голову всегда лезет всякая чушь. Спиной, вернее, даже не спиной, а лопатками я вдруг почувствовал, что за мной кто-то идет.

«Хоть бы дворника или милиционера встретить», — подумал я. Улица была совершенно пуста. На душе тоже стало пусто и неудобно. Оторвав ноги от мостовой, я бросился бежать по дороге. Сзади кто-то топал, подпрыгивал и тяжело дышал. У самого дома сильные руки остановили меня. Сопротивляться было бесполезно.

— Деньги! — сказал бандит.

В темноте я не мог рассмотреть его лица, но голос показался мне знакомым. Я отдал все, что у меня было. Грабитель пересчитал бумажки, позвонел мелочью и сунул мне в руку несколько холодных монет.

Впрочем, перенесемся в совершенно иную географическую область. Как свидетельствует известный путешественник семнадцатого столетия Адам Олеарий, множество исследователей и авантюристов пыталось проникнуть в пределы Московии еще в допетровские времена. И они-то занесли вместе с осколками западной цивилизации пагубную привычку «вдыхания и выдыхания дьявольского зелья»... Нет, явно кто-то хочет подпалить школьные помещения во время моего дежурства!..

— Кто бы это? — простодушно спросил Костя.

— Мы вернемся к этому вопросу несколько позже, — наставительно сказал учитель. — А сейчас спустимся по карте вниз, в страны Леванта и Ближнего Востока. Представим себе очертания Аравийского полуострова. Вообразим себе барханы, зыбучие пески и ландшафты оазисов... Под сенью финиковых пальм на высоте двухсот пятидесяти метров над уровнем моря караванчики предавались курению опиума и гашиша. Во дворцах деспотов калифы, султаны и шахиншахи не вынимали изо рта мундштуки кальяна... Таким образом, еще с тех пор курение стало одной из предпосылок, приводивших к инфаркту, инсульту и злокачественным опухолям.

Нарушитель правил поведения некоторо время внимательно смотрел на учителя, а потом с подозрением спросил:

— А к чему это вы клоните, Михаил Михайлович?

— Как к чему?! — удивился учитель. — Разумеется, к тому, чтобы вы немедленно бросили сигарету и больше в школе не курили!

— Что же вы раньше не сказали? — плачущим голосом проговорил Костя. — Только зря форму прожег!

Из глубины новой форменной куртки Кости Чубакова вился желтый неаппетитный дымок.

В тот же день Михаил Михайлович получил от дирекции нагоняй за то, что во время его дежурства едва не возник пожар. Костя Чубаков опоздал на урок и отделался легким замечанием.

Надо сознаться, что грабили меня впервые, но я догадывался, что в подобных случаях сдачи не дают.

Тем не менее я осторожно заметил:

— Я еще так молод...

— А вот об этом мы поговорим на профсовете, — сказал незнакомец.

Я всмотрелся в его лицо. Ну, конечно, это стоял он — и почему я не узнал его сразу! — наш председатель месткома. Я захлебнулся от негодования.

— Да как ты можешь своего же брата!..

— Тихо, люди спят! — перебил меня председатель. — С тебя ведь членские взносы иначе и не получишь... Распишись, а я пошел дальше, — устало сказал он, глядя в ведомость, — мне сегодня еще пять человек надо встретить...

г. Ростов-на-Дону.

Преступления и наказания

Почему колхоз «Вперед»
Так безбожно отстаёт?
Деньги вечно занимает,
С планом вечные хвосты?
Ведь в колхозе занимают
Все командные посты
Люди с опытом солидным,
Люди с опытом завидным.
Председательское место
Занимает, скажем, тот,
Кто когда-то целый год
Управлял работой треста.
Жил легко, не знал заботы,
Но ему не повезло:
За провал и срыв работы
Был отправлен на село.
Богом энского райплана
Был солидный агроном.
Но, однако, постоянно
Бог заигрывал с вином,
Всем твердя:

«Вино — лекарство!»

И «лекарство» довело
До того,

что он за пьянство
Был отправлен на село.
Враз вино оставил он —
Перешел на самогон.
А бухгалтер до колхоза
В главке числился,

но тут
Появилась вдруг угроза
Попадания под суд.
Нехорошую известность
Дело то приобрело,
И бухгалтер за нечестность
Был отправлен на село.
Главки, тресты...

Сразу видно —
Люди с опытом солидным.
Почему ж колхоз «Вперед»
Так безбожно отстаёт?

Р. КИРЕЕВ

г. Евпатория.

— Сколько раз я вам вдалбливал, что я не против критики!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

На базарной площади стоит угольная палатка. Покупатели подходят один за другим. Вот прибрела старушка с мешком.

— Отвесь, милый, уголька. Баньку надо истопить.

— Пожалуйста, — приветливо отвечает продавец. — Сколько труб в баньке-то? Одна? Ну, тогда пары ведер хватит.

Вслед за старушкой подъехал завхоз пищекомбината. Ему нужно топливо для проходной, чтобы сторожа по ночам не мерзли. За ним явился школьный дворник. И вдруг у торговой точки притормозил «газик». Из него выскочил солидный гражданин в модной шляпе со шнурочком вокруг тульи. Он подошел к куче угля, сваленного возле палатки, и осведомился:

— Это и все ваши запасы?

— Все. А сколько у вас труб? — Какие трубы! Мне для плана, а не для печки.

— Для плана?! — изумился продавец.

Но модная шляпа, пробурчав сквозь зубы, «маловато», уже выпрыгнула в «газик» и умчалась.

— Вот это человек! — уважительно сказал продавец. — О плане думает. Не то что другие-прочие. Им бы только бока свои погреть.

— Что-то не так! — возразил очередастый покупатель. — У этого дяди уголька побольше, чем во всей твоей палатке. Это же

ПРОЦЕНТ С БАЗАРА

начальник шахты № 1—2 Селидовская сам Петр Ильич Моросин.

Что же заставило персону, имеющую в своем распоряжении целую шахту, покупать уголь на стороне? Причина весьма важная: забота о выполнении плана. Дело в том, что обычными способами тов. Моросину никак не удавалось поднять добычу и выполнить государственное задание. Вот он и пустился на выдумки. «Покупной уголь ничем не хуже нашего», — рассудил он, — и для выполнения плана вполне годится.

Конечно, угольная палатка — не выход из положения. Мало вато там товару. Но зато тов. Моросин набрел на другой «базар». Тут же, в Селидове, строители ведут подземные работы. И натякаются на угольные пласты. Естественно, вместе с породой они выбрасывают на-гора чистый антрацит. Уголек этот считается попутным, плана на него нет. И строители продают его любому желающему по государственной цене.

Вот на этом-то «базаре» Моросин и нашел недостающие для выполнения плана проценты. Стогоровался и купил. Не ведро, не куль, а целый железнодорожный состав весом без малого в тысячу тонн! А когда он

свою покупку приплюсовал к настоящей добыче, оказалось, что уже можно бежать в кассу за премиальными: перевыполненным оказался не только месячный, но и семимесячный план.

...Управляющий трестом Селидовуголь тов. Мартыненко, заглянув утром в сводку, с достоинством оправил свой форменный чесучовый китель: за одну ночь шахта № 1—2 Селидовская установила рекорд добычи угля. А вместе с шахтой поднялся процент и у треста. И здесь план оказался выполненным.

Больше того. Трудовой подвиг П. И. Моросина поднял до уровня передовых не только трест, но и весь комбинат «Донецкуголь», добавив ему проценты, нужные для выполнения плана.

Прослышав об этом чуде, горняки соседних шахт стали просить Моросина поделиться опытом. Но по вполне естественным причинам Петр Ильич всячески отлынивал от раскрытия своего секрета. Тогда дотошные соседи сами явились к нему и спустились в шахту. И тут они поняли все.

— Эге! Знаем. Все ясно. Были такие мастаки в сельском хозяйстве. Купит поросенка у соседа и сдаст государству в

счет мясопоставок. Только они за эти штуки загремели... Дали им как следует.

Руководители комбината, почував, что теперь шила в мешке уже не утаишь, решили Моросина примерно взгреть. И вкатили ему выговор «за неправильное отражение в отчетности вывезенного угля из строительного управления № 12». Приказ вывесили на шахтах, зачитали на производственных совещаниях. Но, как ни странно, Моросина это наказание ничуть не огорчило.

— Кому выговор-то? Начальнику шахты Моросину? Так я ведь не начальник шахты!

— Как так? А кто же вы?

И тут Петр Ильич Моросин с торжеством предъявлял другой приказ по комбинату «Донецкуголь», изданный днем раньше. Приказ этот гласил:

«Тов. Моросина Петра Ильича назначить исполняющим обязанности главного инженера треста Селидовуголь, освободив его от должности начальника шахты № 1—2 Селидовская».

Выходит, за очковитательство и приписки Петр Ильич Моросин получил... повышение. Видимо, в назидание другим. Вот, мол, к чему приводит привычка покупать на базаре, недостающие проценты.

А. ГОЛУБ,
специальный корреспондент,
Крокодила.

ХОЛМ, насыпанный ночью

Поезд Вильнюс — Душанбе тронулся в далекий путь точно по графику. Железнодорожники открыли ему «зеленую улицу»: ведь в этом составе ехало 750... Впрочем, не будем забегать вперед. Скажем лишь, что поезд ни разу не выбился из расписания, пока не поступил на Актюбинское отделение Казахской железной дороги.

Начались пески. Ртутный столбик термометра подпрыгнул до 50 градусов выше нуля. Станция Уральск. Вагоны стоят 27 часов. Но в вагонах — загадочное молчание.

Станция Илецк. Та же мертвая тишина во всем составе, хотя поезд стоит 26 часов.

Станция Казалинск. Снова долгий простой. Возле вагонов снуют встревоженные железнодорожники. Слышен торопливый шепот:

— Протолкнуть, что ли, побыстрее. От греха подальше.

— Да, надо бы. Оно основательно, видать...

— Давайте отправление...

Глубокой ночью, когда город был объят сном, поезд прибыл в Душанбе. К тупику, в который загнали вагоны, одна за другой подходили автомашины с потушенными фарами. В темноте их поспешно загружали. Тяжко урча моторами, машины мчались за город. Останавливались в заранее условленном месте. Оставляли груз и снова шли на станцию.

К рассвету вагоны опустели. А на глухом, заброшенном пустыре неподалеку от Душанбе вырос мрачный холм.

Так темной ночью были погребены 750... свиных туш высшей кондиции общим весом в 75 тонн. Это они ехали из Вильнюса в Таджикистан в специальных вагонах-ледниках.

— Закопать в землю такую уйму первосортной свинины? Это же преступление! — вознегодует читатель. — Расследовать и наказать виновных!

Не нужно горячиться. Все уже выяснено.

Установлено, например, что во время стоянок в Уральске и Илецке ледники превратились в подобие походных бань.

Доказано, что к моменту прибытия на станцию Эмба в пяти ледниках не оставалось и пяти килограммов льда.

Известно, что заправка вагонов льдом в Эмбе началась через 65 часов их стоянки на 50-градусной жаре. После этого вагоны проторчали на запасных путях еще 30 часов.

Виновные были «наказаны»: начальник льдопункта станции Эмба Исаев, начальник отдела движения Синица и начальник грузового отдела Волков получили... по выговору на брата.

...Холм, насыпанный ночью, и ныне красуется в окрестностях Душанбе. Мы приглашаем совершить туда экскурсию представителей прокуратуры. Почти так сказать, память погибших в этой передрыте ста тысяч рублей народных денег.

И. ВАСИЛЬЧЕВ,
Н. ЗВЕРЕВ

Яков КОСТЮКОВСКИЙ

Из украинской тетради

РЕЗНАЯ РАБОТА

Я брожу софийским дивным парком
Меж дубов с израненной корой.
На стволах пылают буквы жарко
И сердца, пронзенные стрелой.
Имена. Годы. Инициалы.
«П + В»... «Ираклий + Кето»...
Вот автограф бодрый: «Я + Алла»,
Вот печальный: «Вася + никто».
Потайные аббревиатуры,

Города и даты вновь и вновь...
«Мы из Шепетовки»... «Лев + Шура»...
«К + М = любовь».
На столетнем дубе вянут ветки,
Мощный торс изрезан до крови.

Грустно шутит дуб, склонясь к соседке:
«Я буквально сохну от любви».

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

В воскресенье кум Кирилл
К куму в гости прибыл чинно,
И у кума кум спросил:
— Почему без Василины?

— Потому что, кум Хведот,
Всю неделю в нетерпенье
Василина моя ждет
Не дожидается воскресенья.

Удивился кум Хведот:
— Почему же в нетерпенье
Василина ваша ждет
Не дожидается воскресенья?

— Вы не кум, а уникам:
Дали сто вопросов разных...
Не приходит вам на ум:
Воскресенье — это ж праздник,
Это ж отдых, кум Хведот,
И идти не надо в поле.

Василина хлеб спечет
И штаны зашьет Миколе,
Чисто хату приберет
И прополет всю картошку.

Я смотрел наш огород,
Заросла она немножко.

Постирать, и раскатать,
И погладить тоже надо,
Нужно френч мой залатать,
Я ведь все-таки завскладом...

Тут кум кума перебил,
Он дотошный был мужчина:
— А когда же, кум Кирилл,
Отдыхает Василина?
— Не тревожьтесь, кум Хведот,
Как вы, друже, не поймете:
Василина отдохнет
В понедельник на работе.

СИНЯК

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

КТО ЖЕ МЕШАЕТ?

Мы обратились к работникам торговли с просьбой сообщить о своих достижениях, поделиться своими планами и мечтами, а также указать, что им мешает в работе. Опрошенные охотно откликнулись, пожелав, однако, остаться неизвестными. «К чему сообщать наши имена?» — скромно сказали они. — Ведь таких, как мы, еще немало».

— Есть, есть у нас достижения! — радостно вскричал сотрудник Главного управления торговли (отдел — продуктовые магазины). — Есть! Можем похвастаться! Вот уже скоро полгода, как ликвидированы штучные отделы. Бывало, раньше покупатель, безответственно минуя кассу, подходил к прилавку, брал баночку горчицы или пачку дрожжей, совал продавцу деньги — и был таков! А сейчас положение исправлено. Пройдите к кассе, выстояте очередь, получите чек. Организовано и дисциплинировано. И нам хорошо: на все, знаете ли, чек, оправдательный документ, на все бумажка... И покупателю чудесно: без спешки и волнения постой сначала в одной очереди, потом в другой. Тихо, спокойно.

Но сколько у нас еще несознательных покупателей — вы не поверите! Провели мы это полезное мероприятие незадолго до Первого мая, до праздника. У касс хвосты, очереди, давка — нет спасения! Зато кассы так и потрескивают, чеки выкидывают, помогают нам отчетность соблюдать, избавляют от хлопот. Сознательный покупатель это понять должен. А у нас народ не дорос еще до этого, нет, не дорос! Одна кричит: «Почему я из-за пачки дрожжей должна такие муки принимать?» Другая ее поддерживает. Крики, слезы...

Необходимо усилить морально-воспитательную работу среди покупателя. Терпеливо разъяснить ему его обязанности. Каждому свое. Дело продавца — продавать, покупателя — покупать. Ведь продавец проводит в магазине свои семь часов и ничего, не жалуется! А покупатель чем лучше? Почему это он, скажите, хочет за каких-то полчаса отделаться и бежать куда-то?

Вот внушите им это через печати! А которые неисправимы, которые не желают организованно стоять в очередях и к своим покупательским обязанностям халатно относятся, — тех бы совсем не пускать! Не доросли такие до наших магазинов!

Кто мешает работать? А вот он и мешает, покупатель!

* * *

— Масса, масса достижений! — воскликнула продавщица Леночка. — Ну, во-первых, я подружилась с Верочкой. Мы работаем за одним прилавком, и, как выяснилось, у нас много общего. Ее брат, между прочим, работает электротехником в Доме кино, и часто бывает возможность... Во-вторых, Вера меня познакомила... В-третьих... О работе? Так я об этом и говорю, о чем еще! Очень интересная работа! Я, правда, о другом мечтала. Держала экзамены в ГИК, почти, почти попала, но... В общем, ничего. Свыклась. На работу бегу с удовольствием. У Веры всегда раз-

ные новости. Мы с ней делимся впечатлениями, кто где какие видел силовые блузки, строим планы, мечтаем. Может быть, в отпуск удастся съездить в Прибалтику. В Риге сейчас появились... Что, о работе? А о чем я вам говорю? Про силовые блузки мне Вера именно на работе сообщила!

Я вполне, вполне довольна! Вернее, была бы вполне довольна, если б не вопросы. Ну просто замучили! Рассказываю я вчера Вере картину, которую смотрела с Васей (знакомый мой один), а на самом интересном месте перебивают: «Сардельки есть?» Я, конечно, делаю вид, что не слышу, вопрос настойчиво повторяется, кричу: «Отстаньте! Нет!» Через двадцать минут вызывает заведующий. Почему, дескать, я сказала нет, когда они есть! Вот такие придирки!

Или бабушка какая-то: «Сколько стоит любительская колбаса?» А в этот момент Вера мне... А бабка так и жужжит под ухом. Наконец я ей культурненько отвечаю: «Глаза разуйте! Цены написаны!» А она мне: «Я, внучка, без очков не вижу!» Я ей: «Очки наденьте!» А она мне: «Они дома остались». Я ей: «И сами бы дома сидели!» Она мне... Я ей... Да что вспоминать!

Или еще случай. В молочных бутылках мы другой раз битые яйца держим, у нас в торговой сети их «меланжем» называют. И надпись: «Меланж». И вот каждую минуту: «Это что? Это что?» С ума сойти! Кричу: «Русским языком написано: «Меланж», — чего пристали?» Некоторые ничего, отходят, пожмут плечами и отойдут, а одна тетка вдруг кидаться стала. «Я, — говорит, — если не поняла, вы обязаны объяснить!» «Не учите, — кричу, — меня! Я здесь не поставлена беспонятных дураков воспитывать!» Тут уж к директору вызвали. Потом на собрании прорабатывали. А за что — неизвестно. В общем, так: работа бы мне нравилась, если б...

— Если б не покупатель? — подсказали мы.

— Вот именно! — грустно согласилась Леночка. Она стремилась еще многое нам рассказать, но мы, поблагодарив, ушли. Главное ведь мы выяснили.

Интервью собрала
Н. ИЛЬИНА.

НЕВЫПОЛНИМАЯ ЗАДАЧА

Американским шпионам, агентам Центрального разведывательного управления, приходится туго.

Не только в других странах, где их то и дело хватают за уши.

За уши их дерут и в собственной стране, на родине, в Соединенных Штатах.

Особо рьяно эту экзекуцию осуществляет газета «Дейли ньюс».

Поразмыслив над провалами вашингтонской внешней политики, в частности над так называемым «кубинским кризисом», газета пришла к твердому, непреклонному выводу: во всем виноваты... шпионы.

Первый раз они подвели США семнадцать месяцев назад. Поговорив на Кубе с «неподходящими людьми», агенты ЦРУ заверили тогда Вашингтон, что все, мол, в порядке, «жители готовы поднять мятеж после того, как их братья-эмигранты начнут вторжение на побережье».

Чем кончилось вторжение, известно. «Жители» крепко дали по затылку и «братьям-эмигрантам» и славному пентагонскому войнству.

Агрессия лопнула. Агрессоры бежали, роняя амуницию.

Где же первопричина конфуза? Газете «Дейли ньюс» она абсолютно ясна: «Сообщения нашей разведки о внутреннем положении на Кубе никуда не годились».

Что верно, то верно: не годились. Лживые они были и гнусные.

Ну, а как обстоит дело с «сообщениями» сейчас? Оказывается, опять плохо: «Государственный секретарь Дин Ракс, а также, возможно, президент и военные не получают нужной им информации об условиях на самой Кубе».

Не получают, и все! Обленились шпионы, даром бездельники сандвичи едят и даром виски пьют.

А ведь как просто можно было добыть информацию, мечтает «Дейли ньюс»: «Любой из наших высокооплачиваемых агентов ЦРУ — если он умеет плавать — может благополучно выбраться на берег в любую ночь недели». Нырнул в Майами, вынырнул у Гаваны, отжал плавки, побеседовал кое с кем и поплыл стилем баттерфляй назад, нафаршированный «сведениями о Кубе».

Но этого не происходит. Плавать, что ли, они не умеют? Или, будучи бледнолицыми интеллигентами, страдают морской болезнью? А может, даже медвежьей? Да вроде нет. И тут у «Дейли ньюс» появляется еще одна догадка: «Не может ли оказаться, что наши кубинские агенты — это та же самая старая группа, которая потерпела провал в заливе Кочинос?»

И опять не то: при чем здесь «старая группа», когда сама газета признает, что разведку за последнее время основательно перетряхнули?

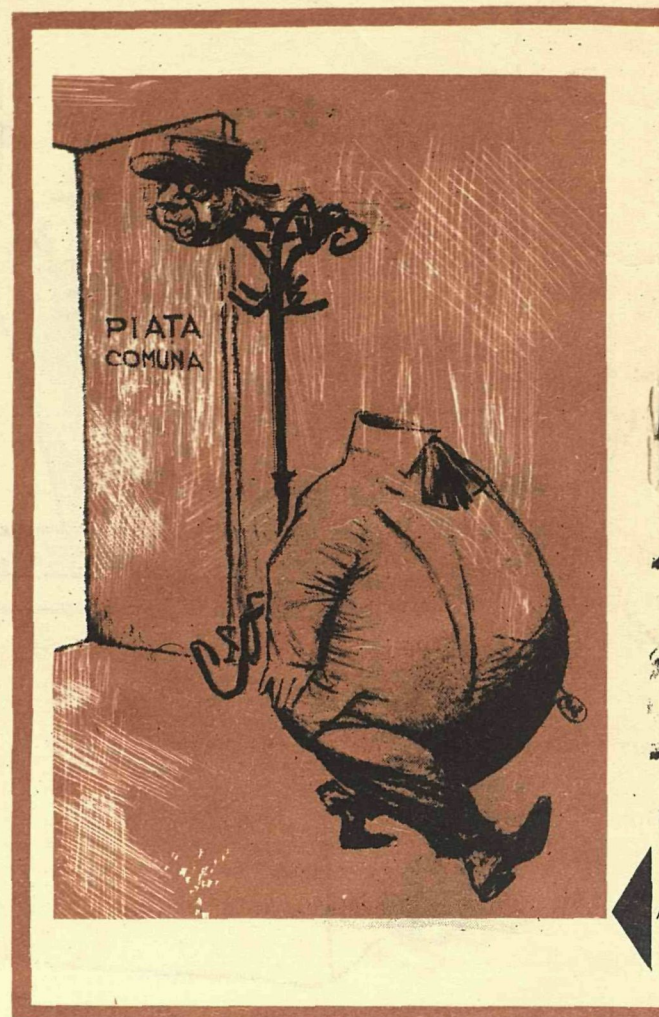
И плачет «Дейли ньюс» слезами наивного ребенка. И прикидывается дурочкой, поверившей в нелепую сказку.

И не может понять она, что дело не в «старой группе» обанкротившихся шпионов, а дело в обанкротившейся империалистической политике США, которой заправляет старая группа колониалистов и милитаристов.

Если бы «Дейли ньюс» рассуждала здраво, она не стала бы так необоснованно глумиться над безвестными агентами ЦРУ. Ведь у них ужасное положение. Они должны дать нужные сведения. Если они сообщают своим хозяевам, что народ свободной революционной Кубы с воодушевлением строит новую жизнь, что он готов дать сокрушительный отпор американским агрессорам, то это для Пентагона и Белого дома будут ненужные сведения. И приходится шпионам говорить обратное, отчаянно врать, чтобы не лишиться сандвичей и виски. Иначе агента ЦРУ назовут «коммунистическим агентом», «агентом Москвы», и греметь ему костями и калошами по вашингтонским лестницам.

Трудно работать американскому шпиону. «Наши шпионы на красной Кубе», — поучает «Дейли ньюс», — не должны больше беседовать с неподходящими людьми. Опять невыполнимая задача: подходящие, порядочные люди с ними разговаривать не будут. Вот и приходится агентам ЦРУ оставаться в обществе подонков. Да еще к тому же слушать обидные нотации от «Дейли ньюс». Тут и запитать можно с горя. Заколдованный круг получается.

Борис ЕГОРОВ

Вместо
рецензии

КОРО

Когда американский политический деятель говорит об американской печати, невольно кажется, что он драпируется в звездно-полосатый флаг, становясь по стойке «смирно» и с трудом сдерживает прозрачные слезы умиления. Эта печать свободна, она правдива, она неустрашима, она непоколебима, она принципиальна. Она альтруистична и готова заложить последний линотип, лишь бы стать своей бумажной грудью на защиту святой истины и маленького простого американца.

Но если развернуть флаг, утереть слезы и поближе присмотреться к прессе Соединенных Штатов, частокол восторженных эпитетов падает, как подвыпивший исполнитель рок-н-ролла...

Американскому журналисту А. Дж. Либлингу не нужна мощная линза, чтобы рассмотреть за серыми газетными строками истинное лицо и скрытые пружины второй древнейшей профессии. Опытнейший газетчик, на глазах которого высохли целые реки типографской краски, он собрал отличный материал об американской долларовой печати.

Либлинга никак нельзя упрекнуть в чересчур левых симпатиях. Вот уже много лет он сотрудничает в уважаемом журнале «Нью-Йоркер», где рекламируются духи «Митсуко» — двадцать пять долларов за флакон и кругосветные круизы по классу «люкс».

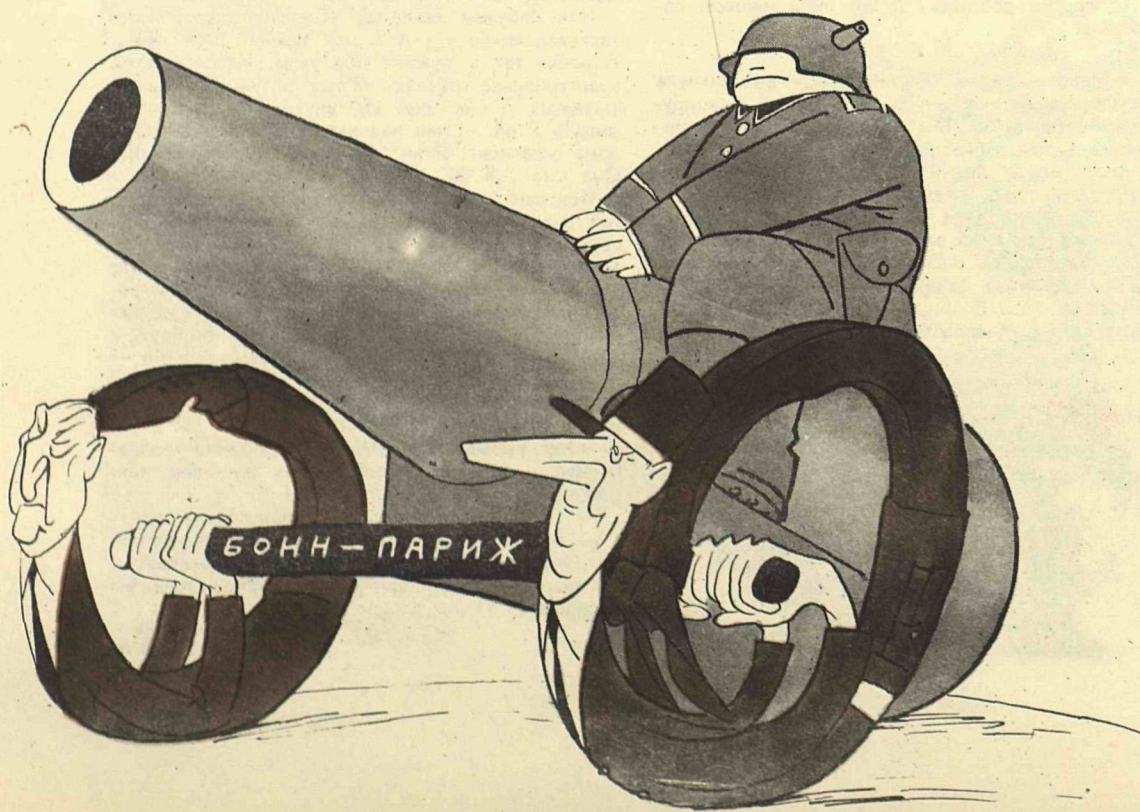
С тем большим интересом читается его книга «Пресса», недавно вышедшая в Нью-Йорке (издательство «Баллантайн Букс», 284 стр.)

ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ
ДОЛЛАРОВ...

Официальная американская пропаганда утверждает, что издавать газету в США может каждый. И если становится издателем не каждый, то только потому, что некоторые предпочитают издательским хлопотам и ранней гипертонии игру на губной гармонике или президентство в компании «Форд».

А. Дж. Либлинг не совсем уверен в этом. Для бу-

Рисунок А. КРЫЛОВА

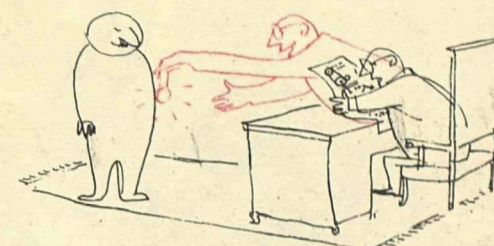
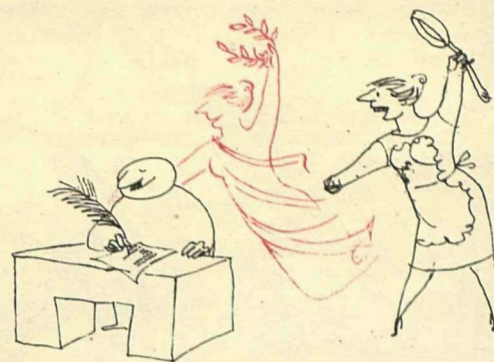

Портрет Салазара.

Англия вступает в «Общий рынок».

Чик ДАМАДИАН

Чик Д а м а д и а н — один из известных румынских художников. Творчество его многогранно и разнообразно. Посмотрите на его работы. Здесь и гневный портрет «почетного доктора» — португальского диктатора Салазара, и саркастический комментарий на вступление Англии в «Общий рынок», и забавные юмористические рисунки.

Мечты.

ВА В РЫСИСТЫХ ИСПЫТАНИЯХ

его владельца газеты он предусматривает одно начальное условие. «Любой человек с десяти миллионами долларов имеет право купить или основать газету», — пишет автор, — а все мы будем иметь право либо купить эту газету, либо нет, как нам захочется.

Как видите, полная свобода. Любой рабочий или служащий может тысячи на четыре лет заморозить свою зарплату и свою семью, и при условии, что за это время он не уволят за прогул и не нужно будет платить за холодильник, он сможет скопить деньги на газету и использовать свое конституционное право.

С другой стороны, не исключается, что настоящий миллионер, который не лежал сорок веков в холоде, тоже может быть типичным американцем, эдаким рядовым Джо Смитом, ходящим боком, чтобы сэкономить на подметках.

«Эти люди», — признает Либлинг, — из-за своего экономического положения образуют совершенно нетипичную группу с совершенно нетипичными привычками».

Далее автор иллюстрирует эту мысль. Сейчас в Соединенных Штатах выдвинут законопроект, точнее, не выдвинут, а задвинут далеко на задний план, который предусматривает частичную государственную помощь в медицинском обслуживании престарелых. В стране, где медицинское обслуживание дорого даже не для престарелых, что в пору себе удалять аппендикс, казалось бы, такой законопроект должен был получить самую горячую поддержку в печати. А нет. Дело в том, что миллионер — владелец газеты вряд ли сам скопил эти деньги. Он их унаследовал от папаша (впрочем, не исключена возможность, что и от мамы). Старый папаша (или мамаша) наверняка оставил про черный день в безразмерном носке или в кошельке миллиончик-другой долларов.

Поэтому сын, пошедший по газетной части, конечно не беспокоится, замечает Либлинг, как бы считать счета за лечение родителей. Стоит ли по-прежнему поднимать весь этот шум о престарелых? Если у него нет денег на лечение в Америке, пусть закажут билет на пароходе и едут в Европу.

РЕКЛАМНЫЕ ПАСТИЩА

В левом верхнем углу газеты «Нью-Йорк таймс» красуется, подобно заповедям на скрижалях, девиз: «Все новости, что можно печатать». Если подходить, однако, к девизу с серьезностью жениха, делающего предложение дочери миллионера, следовало бы его слегка изменить: «Всё реклама, за что платят».

Новости, или информация как таковая, давно перестали интересовать издателей. За новости не платят, платят лишь рекламодатели за рекламу мыла для бритья «Пальмолив», при помощи которого можно даже бриться под водой (почему, кстати, нужно бриться под водой, никому не известно) или за рекламу скромных норковых шуб в пять тысяч долларов.

А раз так, «новости и информация все в большей степени становятся чем-то второстепенным и незначительным», признает А. Дж. Либлинг. — Когда монополисту-издателю говорят, что в газете нужно давать больше информации, он относится к этому так же, как владелец большой жирной коровы к предложению выставить ее в рысистых испытаниях».

За что же в таком случае действительно упрекать владельца газеты? Грех гонять удойную корову по информационному ипподрому, когда можно дать ей спокойно пастись на богатых рекламных пастбищах.

Но и из того полувывсохшего информационного ручейка, который порой просачивается через рекламные плотины, напиться может далеко не каждый.

«Попытаться извлечь правду из газетного сообщения», — говорит автор книги, — это все равно, что прицелиться из ружья, дуло которого искривлено вправо. Строго говоря, даже из газет Херста можно кое-что узнать, если при этом вы будете вносить поправку на: а) политические взгляды Херста; б) степень морального падения корреспондента, написавшего статью».

А так как справочника о степени маразма каждого корреспондента в США нет и быть на короткой ноге со всеми ними затруднительно, на правду остается только махнуть рукой.

Есть, конечно, и другой путь. Современные электронно-вычислительные машины, способные мгновенно

определять орбиту спутников или расшифровывать древние языки, запросто бы справились с задачей извлечения правды из американской газетной информации. Да вот беда: стоят эти машины миллионы, а миллионеру зачем правда?

ПРЕССА ПОД БЕЛЬЕМ

Нет-нет, это не опечатка. Не белье под прессом, а именно пресса под бельем.

Говоря о том, как рекламодатели влияют на судьбы газет, А. Дж. Либлинг замечает: «Объем нынешней информации в газетах зависит главным образом от того, как нью-йоркские владельцы магазинов посчитают наиболее выгодно рекламировать нижнее белье».

Если по каким-либо причинам эти кальсонные депоты лишают газету своих милостей, она обречена, как гангстер, переставший платить взятки полицейскому комиссару. За последние пятьдесят лет рекламодатели безжалостно задушили более восьмисот пятидесяти ежедневных газет в США. Причем другие вместо них не появились. Поле деятельности рекламы — это не то поле, на котором любой газетный знак зреет как хочет. Прополка на нем проводится на славу.

Если же представить себе степень заинтересованности торговцев трусиками в правдивом освещении сегодняшнего мира и их бельевого и гражданскую сознательность, то получится, что американские газеты смотрят на мир сквозь дамскую комбинацию... При желании и такой взгляд можно считать точкой зрения.

* * *

«Функция прессы», — пишет Либлинг, — информировать общество. Но цель ее — делать деньги». Как свидетельствует вся его книга, функция и роль далеко не одно и то же. Скорей наоборот. Поскольку он лежит в изменении самого политического строя, Либлинг либо до него не додумался, либо подумал о своей семье. Последнее вероятнее...

З. ЮРЬЕВ

БОГОРОДИЦА-ДЕВА, РАДУЙСЯ!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Между прочим...

Перспектива остаться на бобах в наше время не пугает председателей колхозов.

Дорожный трест ничего не чинил, кроме препятствий.

В. КИРИЛЛОВ

— О, директор у нас очень требовательный,— рассказывал на допросе официант,— он требует себе половину чаевых.

Бутылка пользовалась сногшибательным успехом.

Объявление у исповедальни: «Грехи отпускаются в порядке живой очереди».

Первой премии на конкурсе по борьбе с уличным шумом был удостоен испорченный репродуктор.

На складе в избытке имелись только недостатки.

Погасивший вулкан оправдывал свою бездеятельность тем, что он не желает быть извергом.

Ц. МЕЛАМЕД

Операция была настолько сложная, что наркоз дали не только больному, но и врачу.

И вот в результате этого второе отделение концерта я провел в 102-м отделении милиции...

— Имейте в виду—я правая рука Ивана Ивановича!
— Да, но он левша!

Современный романс: «Вы мне звонили, не отпирайтесь!»

Шуба из лавсана грубого помола.

Г. ПОЛЬСКИЙ

Частое откупоривание одних сосудов ведет к закупориванию других.

Не так уж и плохо, если от мемуариста остаются одни воспоминания.

В рассказе грузчик нес только смысловую нагрузку.

Макар не гонял телят только в телятник. Его никак не могли догнать.

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Работники столярного участка Псковского телефонного завода совершили эпохальное открытие. Оказывается, самый обычный мебельный лак при перегонке через самую обыкновенную вату превращается в живой, бодрящий напиток отменной крепости. Неясным оставался лишь вопрос, связанный с закуской. Одни утверждали, что процеженную политуру лучше всего употреблять со знаменитой псковской рыбешкой—сушеным сметком, другие были сторонниками малосольных огурчиков и свежих помидоров. Истину пытались извлечь из целой серии развернувшихся на участке питейных экспериментов.

Один из экспериментаторов предстал перед судом по обвинению в хулиганстве. Виновного наказали. Вслед за приговором последовало и так называемое частное определение, адресованное дирекции завода. Суд потребовал от дирекции навести на участке порядок и усилить контроль за расходованием соблазнительных, поддающихся перегонке материалов.

Вскоре с завода пришел ответ: не только введен строгий учет лака, но и лакировкой изделий занимается теперь всего один человек, питающий непреодолимое отвращение даже к высшим сортам коньяка и шампанского.

Подобных приятных писем приходит в городской суд немало. Частные определения предостерегают от новых преступлений, промахов, ошибок. И это очень хорошо. Ведь все наши судьи и заседатели, прокуроры и следователи, адвокаты и судебные исполнители мечтают остаться в конце концов не у дел за отсутствием таковых.

Но вот перед нами ответ, который сразу настораживает и сбивает с оптимистического тона. Впрочем, лучше по порядку.

Вечером 19 января рабочему Г. Михайлову нанесли во время уличной драки удар по голове отверткой. Пострадавший упал, потеряв сознание. К месту происшествия прибыл на автомашине «Скорой помощи» врач И. Кронгельб. Мельком, небрежно осмотрев Михайлова, врач сказал, что «ничего страшного нет», и распорядился отправить пострадавшего в вытрезвитель. А страшное было. Фельдшер вытрезвителя оказался внимательнее и сразу обнаружил на виске Михайлова глубокую рану. Лишь после этого раненого перевезли в больницу, где он через 1 час 10 минут скончался.

Убийцу судили. За приговором последовало и частное определение. Суд установил, что врач Кронгельб «проявил бездушие и халатность», что он не принял срочных, неотложных мер к спасению человеческой жизни. От заведующей горздравотделом А. Никитиной суд потребовал «служебного расследования неправильных действий врача скорой помощи т. Кронгельб», а затем необходимых выводов.

28 апреля, сразу же после судебного процесса, частное определение было отправлено Никитиной.

30 мая суд ей напомнил, что месячный срок для ответа истек.

19 июля Никитиной вторично напомнили, что ответа от нее все еще нет.

28 июля вместо уехавшей отдохнуть Никитиной ответ наконец соизволил прислать «и. о.» заведующего отделом Ф. Пузанков.

Несмотря на крайний лаконизм сошедшего в течение трех месяцев ответа, из него все же явствовало следующее:

1) «действия врача Кронгельб обсуждались с коллективом станции «скорой помощи»,

2) «врач Кронгельб освобожден от работы в скорой мед. помощи»,

3) «коллектив скорой мед. помощи нацелен на более оперативное и лучшее обслуживание населения».

То обстоятельство, что в шести машино-

Л К О М К С У Д У

писных строках фамилия врача оказалась дважды перевернутой, заставило меня отнестись с некоторым недоверием и к ответу в целом.

— Скажите, — спросил я Пузанкова, — когда коллектив «Скорой помощи» обсуждал вопрос о Кронгельбе? Что именно говорилось? Как расценили медики отношение своего коллеги к служебному долгу? И в чем конкретно выразилось «нацеливание» «Скорой помощи», о котором шла речь в подписанной вами бумажке?

— Я не в курсе, я человек временный, — с некоторым усилием выдавил из себя Пузанков.

— Значит, вы подписали ответ суду, ничего толком не зная?

— Главврач «Скорой помощи» подготовила приказ, я и подписал.

— Ну, а известно ли вам хотя бы, где теперь Кронгельб? Что ему записали в трудовую книжку, увольняя из «Скорой помощи»? Где приказ?

— Да ведь я только исполняю обязанности... Временно...

Так ничего и не добившись от Пузанкова, я отправился на городскую станцию «Скорой помощи». Главного врача А. Глотовой не было. Интересующие нас вопросы пришлось выяснять у дежурного врача, сестер, санитаров. Все они с величайшим изумлением переглядываются и пожимают плечами. Все они о собрании, посвященном случаю с Кронгельбом, впервые слышат. Затем следует вторая, не менее поразительная новость: никто никогда Кронгельба из «Скорой помощи» не увольнял, и он лишь на днях ушел в отпуск.

Становится совершенно очевидным, что весь ответ здравоохранительного народного суда — жалкое немудрящее очковитительство. Но тут на горизонте появляется А. Глотова и начинает спасать положение:

— Видите ли, Кронгельб у нас не работает... То есть работает, но по совместительству... Да, на собрании коллектива о его ошибке говорить не пришлось, но вопрос был затронут на пятиминутке ночной смены...

— Обсуждать и затронуть, весь коллектив и одна смена — понятия разные. А когда говорили о Кронгельбе на пятиминутке?

— Еще в январе. Помню, позвонили из больницы, что Михайлов умер. Тогда Кронгельб сразу же все объяснил...

— Его слов мало! Расследование в связи с частным определением суда кем проводилось?

— Определение? Какое? Ничего о нем не знаю. Абсолютно!

— Вас же Пузанков с ним знакомил. Вы же сами готовили ответ суду!

Молчание...

Но оказывается, что Никитина, Пузанков, Глотова — не исключение. Столь же безразлично-неуважительно подчас относятся к определениям суда и другие.

В начале года суд разбирал иск бывшей буфетчицы псковского ресторана «Аврора» Раисы Осиповой к администрации этого пищевого заведения. Осипова ужасно разобиделась, что ее уволили всего-то после 22-й по счету недостачи, и требовала вернуть ей доходное место за стойкой. Суд удивился, почему от Осиповой не избавились раньше, и, разумеется, иска не удовлетворил.

В частном же определении, направленном тресту столовых, записаны горькие слова о том, что в ресторане «Аврора» плохо берегут казенное добро и, по существу, скрывают растратчиков.

От управляющей трестом А. Егоровой и секретаря партбюро А. Ремок пришел ответ. Все как будто бы честь по чести: вопрос разбирался на партийном собрании, принято постановление о работе с ресторанными кадрами. Но вот заглянули мы в это постановление и не нашли в нем о рекорде Осиповой и о покровителях растратчиков ни слова. Мудрено ли?! Собрание состоялось гораздо раньше, чем трест получил судебное определение, и о нем вспомнили, когда надо было отписаться.

Псковский облисполком и вообще отвечать суду не желает. В середине февраля он получил частное определение о грубом нарушении трудового законодательства работниками одного из районных Советов. Четыре раза на протяжении полугода суд напоминал, что ждет ответа, но ответа нет и до сих пор.

Так частное определение становится несчастным и повисает в воздухе, не достигнув цели.

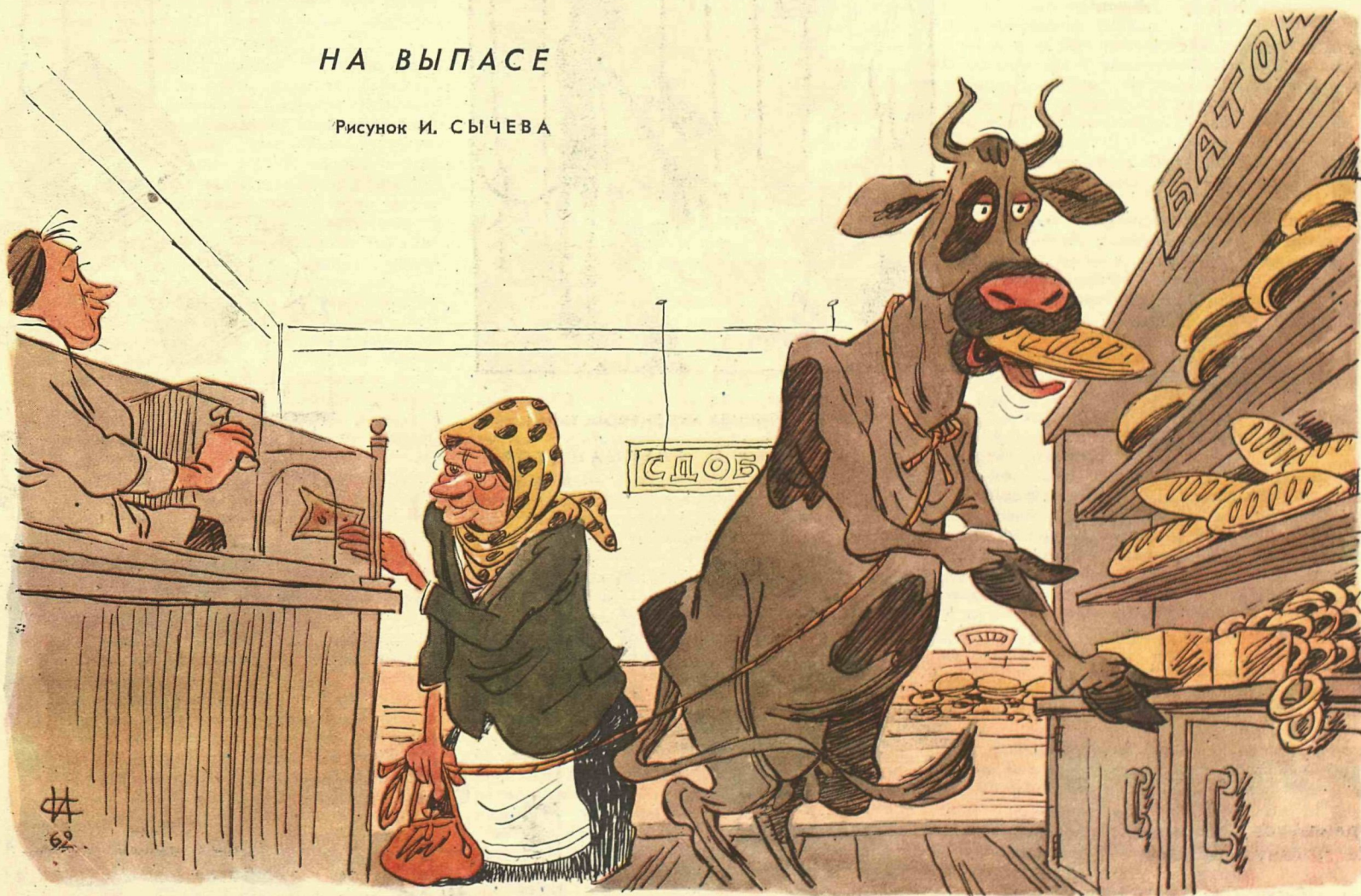
Суд идет! При этих словах все почтительно поднимаются... Но вот когда суд хочет предупредить, предостеречь, еще находятся люди, равнодушно поворачивающие к нему затылок.

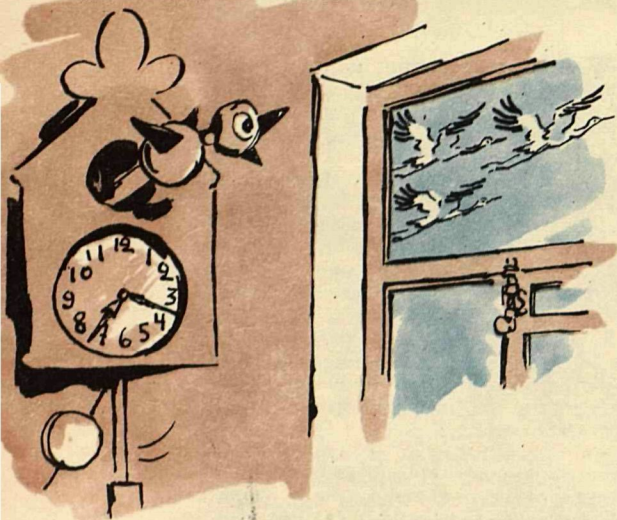
Евгений ШАТРОВ,
специальный корреспондент Кронодила

г. Псков.

НА ВЫПАСЕ

Рисунок И. СЫЧЕВА

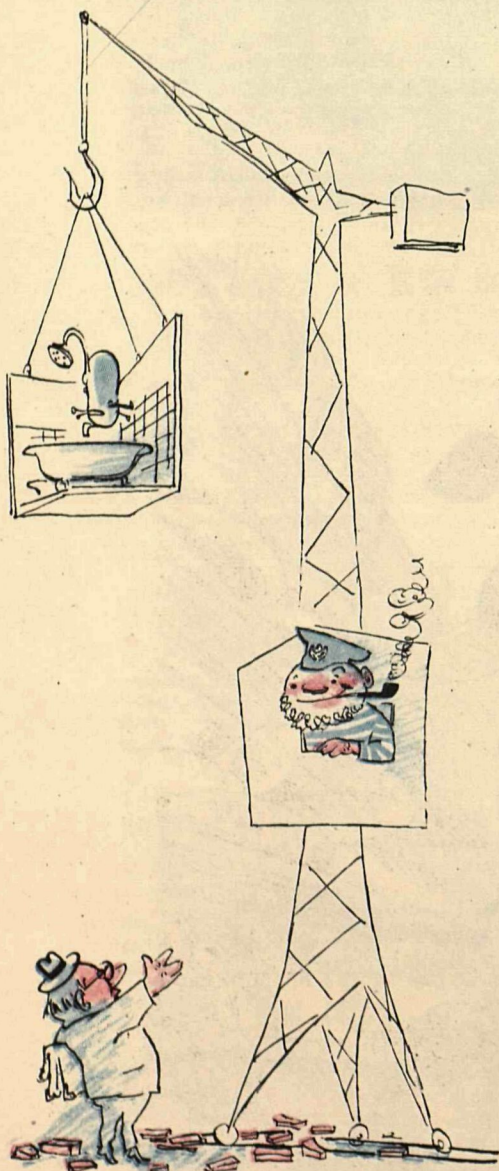
— И чего этим перелетным птицам не сидится на месте?

Рисунок А. БАЖЕНОВА

ОДИССЕЙ И СИРЕНЬ

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

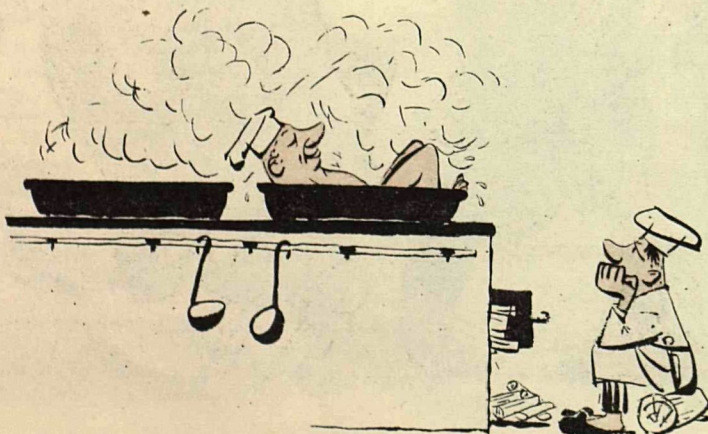
— Как продвигается строительство?
— Шесть санузлов в час.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

— У меня отличная характеристика!

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

Сильнее наркоза

Рисунок Л. МАРГОЛИНА
(г. Ленинград)

— Опять у тебя
дома ванна не ра-
ботает?

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

П А Р А С Ю К М Е Н Я Е Т В Ы В Е С К У

РАССКАЗ

Ревизор Губанов был славой и гордостью Степкинского района. Никто так ловко не умел схватить за лапу ворюгу, норовящего забраться в государственную мощну. Говорят, что Губанов мог с закрытыми глазами, на ощупь отличить настоящий документ от липы, а с открытыми — безошибочно по лицам определить, кто любитель списывать по актам хорошую продукцию, кто имеет склонность к припискам, а кто дока по взятке.

Благодаря таким качествам этот щупленький, пожилой человечек был грозой очковитателей, мошенников и хапуг всех мастей и рангов. Матерые, покрытые шрамами от меча Фемиды жулики предпочитали вить себе гнезда в любой точке земного шара минус Степки.

О растратах и хищениях в Степках почти забыли, и местные блюстители закона скромно пробавлялись делами о мелком хулиганстве и краже белья с веревки. Районная милиция, имея массу времени на тренировки, вышла по футболу на первое место в области. Молодой следователь от безделья начал сочинять стихи. А прокурор пристрастился к решению шахматных задач и сильно преуспел в этом занятии. В кутузке половина жилплощади постоянно пустовала, и в ней открыли курсы по изучению английского языка.

Однажды в Степки приехал ревизор из центра. Увидев Губанова, он рассыпался в любезностях:

— Как же, Аникей Павлович, слух о вас прошел по всей Руси великой. Скажу прямо: вы артист! Художник! Ренуар, так сказать! Про такое лицо нужно слагать песни и хоралы. Куда смотрят местные поэты и композиторы?

Губанов отродясь не слышал хоралов и в глаза не видел ни одного поэта. Он сконфузился и ничего не ответил.

— И такой талант скрывается в Степках! — пел гость. — А что, если я умыкну вас в Москву? Вы там всем столичным специалистам носы утрете!

Однако Губанов не хотел утирать столичные носы. Обретя дар речи, он бессвязно, но твердо сказал:

— Я уеду, а Парасюк останется? Нет уж!..

Заезжий гость ничего не понял, но, увидев в глазах ревизора неукротимый стальной блеск, в смущении отступил.

Кто же этот таинственный Парасюк, которого не пожелал оставить ревизор Губанов? Его малолетний сынишка? Дедушка, получающий из рук Аникея Павловича свою утреннюю порцию манной каши? Нет. Парасюк — это единственный в районе жулик, которого пока что не удалось свалить всецельному ревизору. Празда, уже не однажды тяжкая рука мастера внезапных ревизий бывала в неслышимом расстройстве от Парасюкова шивороты. Но каждый раз Парасюк ускользал, словно смазанный питательным кремом «Янтарь».

Ревизор обратил внимание на Парасюка, когда тот, будучи директором небольшой фабрички «Шило-мыло», за полгода умудрился приобрести дачу, машину и японский микроприемник «Дэзи» и ходил по Степкам, источая музыку из левого внутреннего кармана. А в то же время никаких признаков растрат и хищений на его предприятии не наблюдалось.

— Пора! — сказал Губанов, услышав музыку из кармана, и отправился к Парасюку.

Тот встретил его, как пропавшего без вести любимого брата. Он почти прослезился. Но, сдержав счастливые слезы, воскликнул:

— Наконец-то! Ньюша, чаю! Крепкого, свежего, с лимончиком.

— Чай отложим на другое время, — холодно сказал Губанов. — Я по делу.

— С ревизией? — прищурил желтенькие глазки Парасюк. — Но если вы хотите обречивать «Шило-мыло», то опоздали. Это жалкое карликовое предприятие ликвидировано. А я отдаюсь в распоряжение отдела кадров совнархоза. — И, любовно глядя на ревизора, добавил с элегической ноткой в голосе: — Вот я и безработный, уважаемый Аникей Павлович. Такова жизнь, как сказали древние. Трудиться, вырастать в коллектив, он в тебя врастает, и вдруг остаешься у разбитого корыта.

Парасюк сидел у разбитого корыта ровно два часа. Уже к концу рабочего дня прибыл

приказ о назначении его директором солидного треста «Шампунь».

Ревизор следил за успехами Феофила Ивановича на новом посту, как за первыми шагами собственного ребенка. И появился на пороге в тот же миг, как узнал, что Парасюк из своей месячной зарплаты приобрел сразу четыре хоросанских ковра по семьсот рублей каждый.

В кабинете Парасюка он застал полный хаос. Какие-то артельщики запикивали в рогожные кули папки с документами. Секретарша бережно укутывала в гардину пишущую машинку. Завкадрами бодро совал в печку архивные анкеты уволенных по собственному желанию. Всей этой суетою дирижировал сам директор.

— Вечно вы не вовремя! — с досадой махнул он рукой. — Конеч нашему родному «Шампуню». Закрыли. Придется, видимо, подавать в отставку... Эй, чуело, ты куда сейф тянешь? Оставь, пусть стоит! И кресло тоже не трогай!.. Вы уже уходите, голубчик? Случайно не слышали, где можно достать приличные брильянтовые серьги? Супруга моя мечтает. За ценой я бы не постоял...

Парасюк не ушел в отставку. Он возглавил гигант легкой промышленности — межрайонный комбинат, созданный из десятка фабричек-смежниц и носящий звучное название «Универсал».

Губанов окончательно потерял покой. «Вот ведь незадача, — тосковал он, ворочаясь ночью без сна. — Явно ворует, жулябия, а в руки не дается. Только нацелишься, а он уже в другое место упорхнул. Причем как в песне: «Все выше, и выше, и выше». Хотя бы годик его не трогали, что ли!..»

В погоне за Парасюком ревизор выбился из сил и взял отпуск. Но, прогуляв в Хосте всего две недели, он затосковал еще больше. Ему чудилось, что без него Парасюк начисто разворовал все добро комбината. И он решил напрянуть экспромтом.

«Вот приеду, а он, идол жирный, сидит в кабинете, липовые накладные фабрикует. Тут я его и... Или: я приеду, а он на склад забрал-

ся, лучшую продукцию налево отбирает. Тут я его и...»

В Степки ревизор приехал ночью. А утром, схватив портфель, помчался в «Универсал». Но «жирного идола» на месте не оказалось. А главбух Федюшкин таинственно шепнул ревизору:

— Уехал. В Москву. Завтра будет.

— В Москву? Зачем? — удивился Губанов.

— По секрету, и только вам, как вы лицо заинтересованное. Чтобы, значит, учли и приняли меры. Феофил Иванович поехал хлопотать о переводе на работу в столицу. У него там дружок есть, обещал помочь...

— Не врешь? — подозрительно посмотрел на него ревизор.

— Провалиться мне! Лопни глаза!.. Конечно, — доверительно шептал Федюшкин, — трудно ему с вами в одном пункте находиться. Хлопотно. Все нужно делать с оглядкой. Вот он и...

Губанов стремглав помчался на телеграф. «Врешь, не удерешь! — яростно думал он. — Я тебе наперед забегу! Кстати, тот столичный ревизор мне еще два раза звонил. Все приглашает... Ловко получится! — ликовал он. — Парасюк в столицу, а я уже там...»

И дал короткую телеграмму: «Переезд центр согласен. Оформляйте перевод».

Наутро Парасюк уже сидел в своем кресле.

— Очень кстати, дорогой Аникей Павлович! — радостно воскликнул он при виде Губанова. — Вы, наверное, уже слышали о переводе? Да. Не каждому так повезет... Ну что же, жаль, конечно, с вами расставаться, но такова судьба. Рок. Фатум, как говорили древние. Плачь не плачь — горю не поможешь. Трудно мне будет без вас, но...

— Довольно паясничать! — загремел ревизор. — Рано празднуете победу! Не удастся вам меня провести! Я...

— Что вы так орете, голубчик? — невозмутимо спросил Парасюк. — Не к куме в гости пришли! Чего развоевались?

— Можно и потише, — ехидно сказал Губанов. — Так вот, я жду из Москвы ответа. Еду туда на работу. Довольны вы?

И глаза его заблестели чудесным огнем, как у охотника, напавшего на след дичи. Но, к его удивлению, Парасюк не рухнул без сознания, розовые щечки не побледнели. Он прониновенно сказал:

— А я о чем говорю? Вы едете в Москву. И потому мы с вами расстаемся. А ведь так хорошо, мирно сосуществовали! Остаюсь здесь без вас, один, как перст.

— Как?! — пролепетал Губанов. — Разве вы... не едете?

Зазвонил телефон. Парасюк поднял трубку.

— Кого? — спросил он. — Да, здесь. Передаю трубочку.

— Говорят с телеграфа, — раздался в трубке мелодичный девичий голос. — Товарищ Губанов? Вам молния: «Перевод оформлен. Немедленно вылетайте Москву».

Губанов положил трубку на рычаг. Пальцы его дрожали. А Парасюк ласково приговаривал:

— Надеюсь, вы нас не забудете, вращаясь в высших сферах? Правда, мне сказали, что вы будете курировать Среднюю Азию. Но при случае...

— А вам что, отказали в переводе? — тупо спросил ревизор.

— Вот недотепа! — уже другим тоном сказал Феофил Иванович. — Никак не возьмет в толк. Ведь я ездил хлопотать о вашем переводе, тупица вы эдакая!.. Вы мне надоели! — Голос Парасюка зазвучал, как медь гремущая. — Больше не будете шастать за мной по пятам! Поняли, наконец? Ну, а теперь идите. У меня тут свои заботы. Перехожу на новый пост. Гуд бай! А здорово вы мне помогли своей телеграммой!

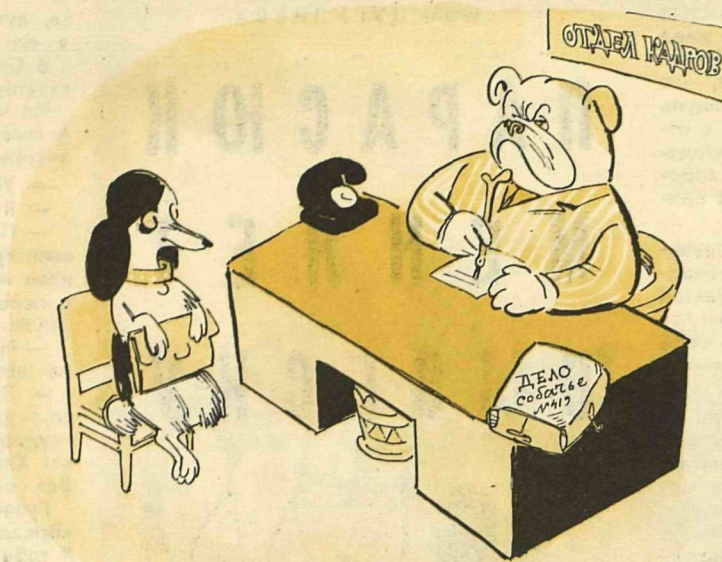
Губанов, еле волоча ноги, поплелся к выходу. В узком коридоре что-то больно садануло его в бок. Он поднял тусклый взгляд. Два дюжих вахтера осторожно тащили черную табличку, от которой пахло свежей краской. На табличке золотыми буквами было написано: «Управление легкой промышленности. Кабинет начальника Ф. И. Парасюка. Прием от... до...».

Ревизор покачулся. У него потемнело в глазах.

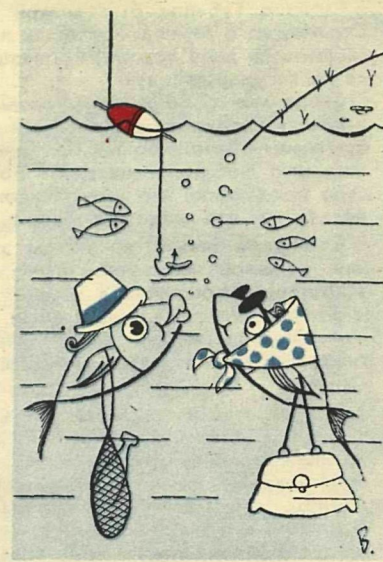
— Вечно ты со
своими глупостями!
Отвяжись!

Рисунок
Г. АНДРИАНОВА

— Я Жучка...
— А нам нужен жук!

Рисунок М. БИТНОГО

— Теперь нейлон в моде.
На капрон меня не пойма-
ешь!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

С Л А Б О Е З В Е Н О

Мечтая о наживе легкой,
Разбогатеть стремясь давно,
Тарас в промышленности легкой
Нащупал слабое звено:
Мужских носков в продаже нету
Таких, чтоб радовали глаз,
Таких, чтоб качеством и цветом
Могли привлечь внимание масс.
Тарас решение принял быстро
(Он был отнюдь не бестолков)
И у заезжего туриста
Купил сто пар мужских носков
Чудесной выделки, расцветки,
Как говорят, на вкус любой —
Носки в коричневую клетку,
Носки в горошек голубой...

Весь свой товар в подъезде парень
Сумел продать в один момент,
Но на последней, сотой паре
Попал за сотый километр.
Там отработал год Тарас.
Тараса скоро выпускают...
...А как насчет носков сейчас
Таких, чтоб радовали глаз?
Их до сих пор не выпускают!

В. КОНСТАНТИНОВ,
Б. РАЦЕР

Ленинград.

П Р О И С Ш Е С Т В И Я

Перечисление м о м е н т о в

С некоторых пор на уроках физкультуры в школах Киргизии стали твориться непонятные явления. Преподаватели вдохновенно объясняли ученикам, как делать сальто, шпагат, захват за пятку, стойку на голове и пр. Ученики старательно следовали их указаниям, но у них ничего не получалось. Тот, кто пытался исполнить сальто, мешком плюхался на опилки; борцы хватили друг друга не за пятку, а за руки, а то и за нос; вместо стойки на голове у ребят чаще получались стойки на четвереньках.

Разгадка пришла, когда в руках одного учителя мы увидели методическое пособие Н. И. Шарабакина «К вопросу о применении слова и показа в обучении физическим упражнениям» (гор. Фрунзе, Киргизучпедгиз. 1962 г.).

Вот какие ценные советы получили учителя физкультуры в этом пособии:

«...По мере освоения задания преподаватель начинает пользоваться словом в виде перечисления основных моментов, в виде названия упражнения или его части и в виде указания некоторых их звеньев».

«Подготовка занимающихся к восприятию передаваемых знаний осуществляется словом в виде вступления к их сообщению и в виде непосредственного призыва к восприятию сведений об упражнении».

Есть в пособии и исчерпывающие указания о способах поддержания дисциплины на уроке:

«Организация и поддержание порядка на занятии осуществляется путем применения слова в виде непосредственного призыва к порядку и в виде призыва к порядку в сочетании с какими-либо действиями учащихся».

«Правильный выбор вида слова и формы реализации задачи организовать и поддерживать порядок на занятии может избавить не только от необходимости повторить их, но и от повторного решения других организационных и познавательных моментов урока».

К сожалению, этим полезным советом не воспользовался сам Н. И. Шарабакин, когда сочинял свой труд. Потому и приводят к таким плачевным результатам все «непосредственные призывы» преподавателей «к восприятию сведений об упражнении».

А. ЧЕРНОВ

Сорокалетнему юбиляру —

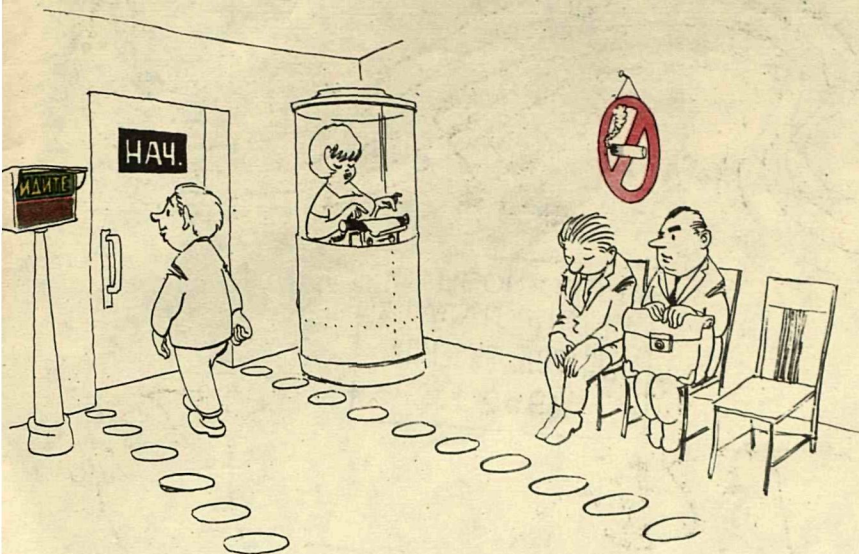
издательству «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Года проходят чередою,
А ты, как прежде, молодое!
Расти,
Работай веселее,
Чтоб юный пыл не проходил!

Ровесник твой по юбилею
Сорокалетний

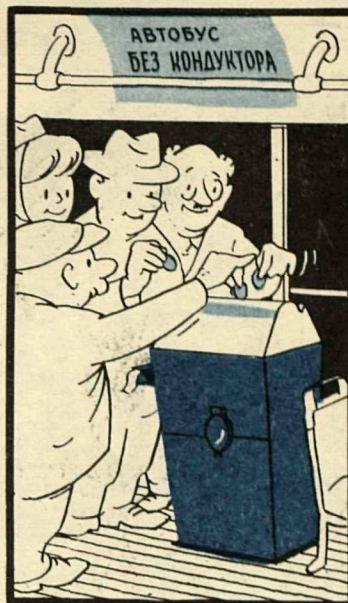
Крокодил

В приемной ОРУДа.

Рисунок Е. ГУРОВА

Еще о доверии.

Рисунок М. УШАЦА

Отклики и реплики

У МОЛОЧНЫХ РЕК

Текли молочные продукты с Андреевского маслозавода... Долго текли. И по-разному. Та сметана, которая направлялась в магазины, очень смахивала на обыкновенное, сильно разбавленное молоко. Сметана же, которая устремлялась налево, — своим работникам и своим работникам, была густой, как тесто, и жирной, как высший сорт масла.

Обо всем этом и рассказывалось в фельетоне «У молочных рек», опубликованном в журнале № 20. Недавно бюро Запорожского обкома партии обсудило фельетон и отметило, что «критика журнала Крокодил в адрес Андреевского райкома партии и управления мясо-молочной и рыбной промышленности совнархоза правильная. Плохое и некачественное руководство Андреевским маслозаводом привело к тому, что за последние два года предприятие работало в антисанитарных условиях, допускались хищения и разбазаривание молочной продукции, резко ухудшилось ее качество». Приняты меры к исправлению всех этих недостатков.

Директор маслозавода Суржицкий освобожден от должности, ему вынесен выговор. Строгий выговор с занесением в учетную карточку объявлен главному инженеру Приходько. Бюро обкома КПУ указало начальнику управления совнархоза тов. Юхименко «на поверхностное руководство производством и слабый подбор кадров на подведомственных предприятиях». Предложено в ближайшее же время пересмотреть состав руководящих кадров на маслозаводах и «укрепить руководство отстающих участков».

Надо думать, что теперь в Запорожской области молочные реки будут течь только в правильном направлении...

В ЛЕСУ ОСТАЛАСЬ ЕЛОЧКА

Так назывался фельетон, напечатанный в Крокодиле № 18. Председатель Красноярского совнархоза тов. Бизяев сообщает: Совет тщательно обсудил выступление журнала и принял развернутое постановление. «Лесозаготовительными предприятиями действительно оказывается на лесосеках большое количество недорубов, 50 процентов которых составляют недорубы деловой древесины».

В целях улучшения использования лесосежного фонда и дров совнархоз запретил оставление на корню древесных хвойных пород. За нарушение этого запрета руководители лесозаготовительных предприятий будут привлекаться к самой строгой ответственности. «На всех сплавных и лесозаготовительных предприятиях в широком масштабе организуется переработка дровяной и низкосортной деловой древесины».

КАШИНСКИЕ МОТИВЫ

Когда бригада Калининской филармонии подъезжала к Кашинскому району, она и не ведала о нравах

местного руководства. Очевидно, по своей неопытности бригада полагала, что сатира будет в районе желанной гостей, а веселые куплеты, написанные на местном материале, произведут на «отцов» города такое же впечатление, как хвалебная статья в областной газете. Артисты мечтали даже об особом успехе куплетов.

Успех действительно был. И особый. На другой день куплетисты были вызваны к секретарю райкома Роцину и с пристрастием допрошены, как это осмелились они поднять голос по поводу неправильного распределения квартир среди районного начальства, да по какому такому праву, чтобы духа их больше в районе не было... И так далее, в этом же роде. А в заключение артистам предложили срочно в любом направлении пересечь границу Кашинского района...

Как сообщил редакции секретарь Калининского обкома КПСС тов. Нешков, фельетон «Кашинские мотивы» (Крокодил № 17) «обсуждался на заседании бюро Кашинского райкома. Бюро указало тт. Ильину и Мельникову на их неправильные действия, допущенные при обмене квартир, осудило непартийное поведение тов. Троицкого и сочло нецелесообразным предоставление ему квартиры в новом доме. Райком принял меры по усилению контроля со стороны местных Советов и общественности за распределением жилья. На грубость разговора с артистами тов. Роцину В. П. указано».

Очень хорошо сказано в ответе о будущем распределении жилья! Вот только в отношении «грубости разговора» непонятно: Может быть, это была не грубость, а самый настоящий грубый зажим критики?

КОРОТКО И ЯСНО

Ташкент. Бюро горкома партии обсудило заметку «Летопись одного путешествия» (Крокодил № 17) и рассмотрело факты допущенных строительно-руководителем Пикманом излияний при переезде из Фрунзе во Владивосток, а также ошибок в подборе и расстановке кадров. На Пикмана наложено партийное взыскание, ему предложено возвратить «Главладвостокстрою» незаконно полученные деньги.

Новосибирск. Председатель совнархоза тов. Забалуев сообщает, что «факт сдачи завода медицинских препаратов (см. фельетон «Звонок из Новосибирска», № 16) без резервной линии электропитания действительно имел место». В июле прокладка линии закончена. Совет «определил дополнительные меры по строгому соблюдению инструкции Госстроя СССР о порядке приемки объектов в эксплуатацию».

Москва. Правление Союза художников РСФСР, обсудив фельетон «Злые духи» (№ 18), обратилось к Кировскому обкому КПСС с просьбой ускорить строительство мастерской по изготовлению знаменитой и неоправданно в последнее время забытой дымковской игрушки.

Газетные близнецы

Некий житель Минска, получив номер «Советской Белоруссии» за 11 августа, удивился:

— Кажется, я уже читал эту статью о спорте. Но где? И когда? — Папа, — сказал ему сын, — ты ее читал вчера, в газете «Физкультурник Белоруссии».

— Да, верно! — сказал папа. — А где эта газета?

И, положив рядом две статьи, он стал сличать. Сходство было разительное. Одними и теми же фразами изъяснялись В. Ливенцев, председатель совета Союза спортивных обществ и организаций Белоруссии, и его заместитель В. Васильев. Правда, статьи-близнецы были окрещены по-разному: первая называлась «Твердой поступью», а вторая — «Дело миллионов». Но, видимо, в этом, как и в некоторых небольших расхождениях в тексте, были повинны работники редакций, мыслящие не так одинаково, как спортивные руководители республики.

В конце обеих статей два автора в унисон пишут:

«...Хочется верить, что наш физкультурный актив, наши тренеры, преподаватели физического воспитания приложат максимум усилий и тому, чтобы белорусская физкультурная организация и впредь считалась одной из лучших в стране...»

А читателям, кроме того, хочется верить, что тт. Васильев и Ливенцев, поставив статьи в газеты, впредь не будут пользоваться запрещенными приемами. С физкультурным приветом

А. МАРГОЛИНА

г. Минск.

ПАУК

Есть смелость редкая
В обычном пауке —
Всю жизнь работает,
Вися на волоске!

УДАВ

Удав имел
Свои понятия
И о любви
И об объятьях!..

В. ЖЕМЧУЖНИКОВ

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИАНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

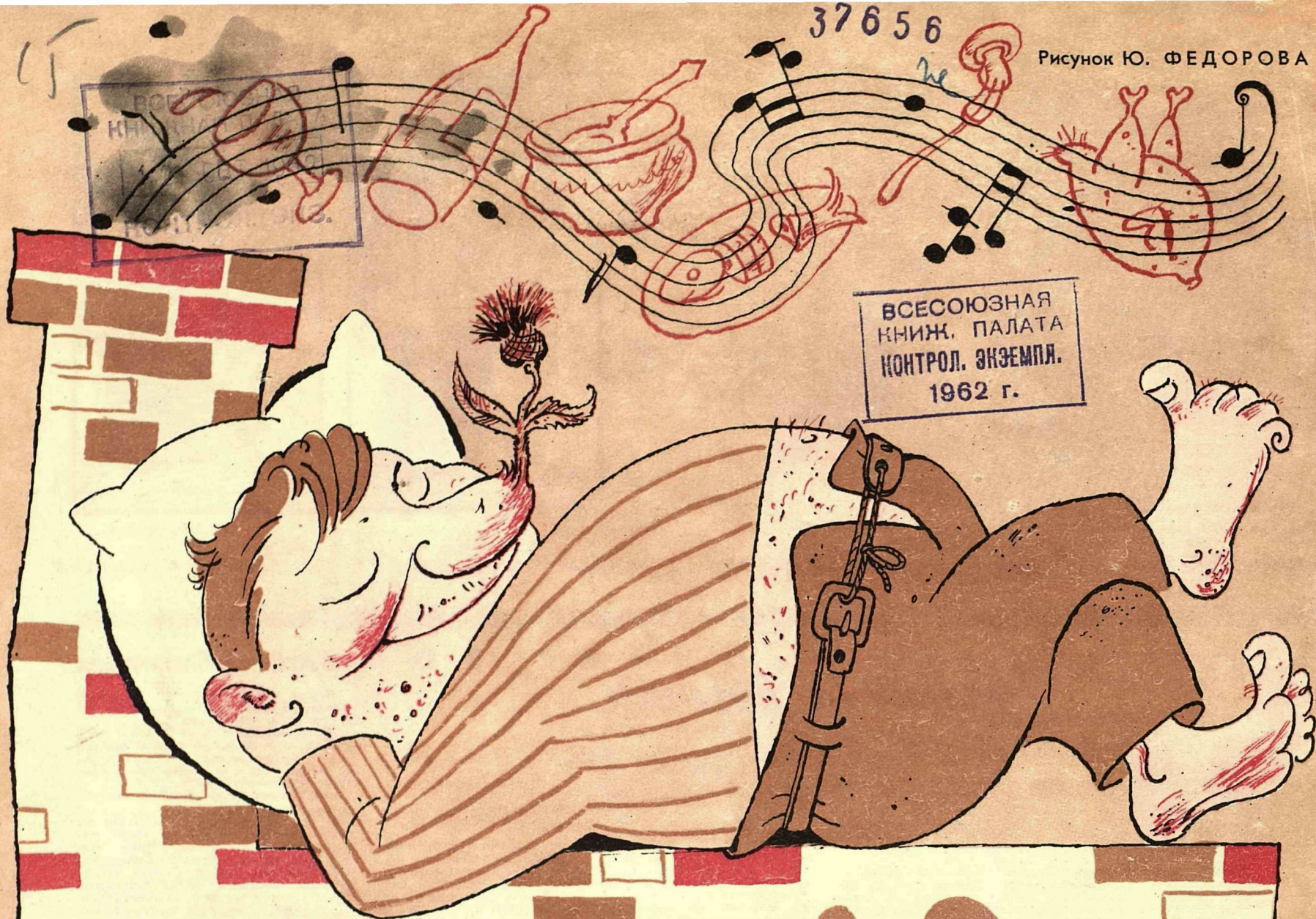
Издательство «Правда».

А 00165. Изд. № 1080. Подписано к печати 1/Х 1962 г. Формат бум. 70×108½. Тираж 1 650 000 экз. Заказ 2741. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

37656

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ВСЕОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
КНИЖ. ПАЛАТА
КОНТРОЛ. ЭКЗЕМПЛЯ.
1962 г.

Не спеша, с юмором

Ох, лю-

блю, лю- блю я завтраки обед да и у- жин то- же!

Лучше ча- са нет. А вот ра- но вста- вать не могу.

(ossia)

Сладко спи- тся на бо- ку. Ох, лю-

конеч

Лодырь

Слова Сергея ВАСИЛЬЕВА.
Музыка Бориса ТЕРЕНТЬЕВА.

Ох, люблю, люблю я завтрак и обед
Да и ужин тоже! Лучше часа нет.
А вот рано вставать не могу.
Сладко спится на боку.

Ох, люблю, люблю я стопку пропустить,
Огурцом соленным тут же закусить!
А к работе душа не лежит.
Подождет, не убежит.

Говорят, что я уж очень чем-то плох,
Будто лодырь я, сорняк-чертополох.
Да поймите вы ради Христа —
Это просто клевета!